

ПРОБЛЕМЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ЗАПРЕТОВ ПРИ КОНКУРЕНЦИИ НОРМ, ОБРАЗУЮЩИХ ИНСТИТУТ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2019-0-3-17-22>

Актуальность исследования обусловлена необходимостью преодоления неопределенности уголовно-правовых запретов с целью повышения эффективности применения норм уголовного права, образующих институт соучастия в преступлении, осуществления однозначного толкования содержащихся в них властных предписаний. Предметом исследования выступают вопросы квалификации преступлений террористической направленности, возникающие при конкуренции норм института соучастия. Цель работы заключается в разработке рекомендаций по внедрению в уголовное законодательство и практику требований определенности уголовно-правовых запретов. При подготовке статьи были использованы как общенаучные (логический, системно-структурный, функциональный), так и частнонаучные методы, включая формально-юридический метод. По результатам исследования сформулированы выводы, обладающие научной новизной. В их числе предложение при сохранении в неизменном виде нынешней редакции ст. 205.1 УК РФ дополнить ч. 3 ст. 34 УК положением о том, что ее предписания не распространяются на действия подстрекателя, организатора и пособника, которые согласно Особой части УК РФ образуют самостоятельные преступления. Обоснована целесообразность дополнения принципа законности (ст. 3 УК РФ) требованиями определенности уголовно-правовых запретов и актов толкования уголовно-правовых норм.

**ЯЦЕЛЕНКО
Борис Викторович**

доктор юридических наук,
профессор, проректор по
научной работе Всероссийского
государственного университета
юстиции (РПА Минюста России)
(г. Москва)

nauka-rpa@yandex.ru

**Правовая определенность;
неопределенные запреты;
конкуренция уголовно-
правовых норм;
преступления
террористической
направленности**

Boris V. YATSELENKO

Doctor of Legal Sciences,
Professor, Vice-Rector for Research of
the All-Russian State University
of Justice (Moscow)

nauka-rpa@yandex.ru

**Legal certainty;
indefinite bans;
competition of criminal
law norms;
terrorist crimes
directionality**

PROBLEMS OF OVERCOMING THE UNCERTAINTY OF CRIMINAL LAW PROHIBITIONS IN THE COMPETITION RULES FORMING THE INSTITUTION OF COMPLICITY IN THE CRIME

The relevance of the study is due to the need to overcome the uncertainty of criminal law prohibitions in order to increase the effectiveness of the application of criminal law, forming the institution of complicity in a crime, the unambiguous interpretation of the power regulations contained in them. The subject of the research is the qualification of terrorist crimes arising from competition of the norms of the institution of complicity. The purpose of the work is to develop recommendations for the implementation in criminal law and practice of the requirements of certainty of criminal law prohibitions. In preparing the article, both general scientific (logical, system-structural, functional) and private-scientific methods, including the formal-legal method, were used. Based on the results of the study, conclusions are drawn with scientific novelty. Among them, the proposal, while maintaining the current version of Article 205.1 of the Criminal Code of the Russian Federation to supplement part 3 of Article 34 of the Criminal Code with the provision that its requirements do not apply to the actions of the instigator, organizer and accomplice, which, according to the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, constitute independent crimes. The expediency of supplementing the principle of legality (Article 3 of the Criminal Code of the Russian Federation) with the requirements of certainty of criminal law prohibitions and acts of interpretation of criminal law norms is substantiated.

Обращение к теме правовой определенности уголовного закона и ее антиподу – правовой неопределенности нормативных предписаний позволяет расширить границы научных представлений о социально-правовой природе и значении отрасли уголовного права как наиболее острого инструмента реализации современной уголовной политики. Очевидно, что неопределенные уголовно-правовые запреты, т.е. неясные для понимания адресатами их применения нормативные предписания, провоцирующие неоднозначное толкование содержащихся в них властных велений, будучи первичными элементами уголовно-правовой материи, снижают правоприменительный потенциал уголовного закона в целом, содержат в себе риск его произвольной реализации при квалификации преступлений. Наличие в уголовном законодательстве неопределенных запретов несовместимо и с сущностной характеристикой уголовного права как системы согласованных формально определенных норм и институтов. Поэтому перевод в процессе законотворческой деятельности неопределенных в момент их возникновения на поверхности общественной жизни антисоциальных поведенческих актов в ясные для восприятия и понимания их социально-правовой природы уголовно наказуемые деяния является фундаментальной основой формирования единообразной правоприменительной практики, способствующей эффективной охране гарантированных Конституцией РФ прав и свобод человека и гражданина.

Категории «правовая определенность» и «правовая неопределенность» в современных условиях привлекают к себе повышенное внимание, особенно в ходе разрешения судами правовых конфликтов. В решениях Конституционного Суда РФ неоднократно обращалось внимание законодателя на необходимость соблюдения требования определенности правовых предписаний, достижения в процессе правового регулирования ясности и непротиворечивости норм отраслевой и межотраслевой принадлежности. В постановлении Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2018 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда» подчеркнута особая значимость требования четкости и недвусмысленности правовых норм для уголовного законодательства, являющегося по своей природе исключительным средством, с помощью которого государство реагирует на факты противоправного поведения в целях охраны общественных отношений от преступных посягательств [1, с. 6].

Закономерный интерес к вопросам повышения уровня правовой определенности действующего уголовного законодательства объясняется его состоя-

нием, характеризующимся наличием в нем внутриотраслевых и межотраслевых технико-юридических дефектов, существенным образом снижающих регулятивный и охранительный потенциал уголовно-правовых запретов. Не способствует сохранению стабильности системных свойств уголовного права и сложившаяся практика интенсивного, далеко не всегда оправданного реформирования уголовного законодательства. В аналитическом докладе о состоянии уголовной политики в Российской Федерации, подготовленном по результатам деятельности рабочей группы Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству за 2014–2016 годы, отмечается, что «с момента начала действия УК Российской Федерации – с 1 января 1997 года по 1 января 2017 года в УК Российской Федерации было внесено свыше 1600 изменений и дополнений» [2, с. 220]. Тенденция внесения постоянных изменений и дополнений в действующее уголовное законодательство сохраняется и в настоящее время, а ее побочным следствием является не только разбалансировка УК РФ, но и насыщение его запретами, далеко не всегда отвечающими требованиям правовой определенности. В том числе и по этой причине в науке уголовного права справедливо подчеркивается, что «на практике это выражается в том, что борьба с целым рядом преступлений оказалась затруднена, а то и просто невозможна» [3, с. 4]. В целом качество позитивного уголовного права не только вызывает опасения и требует постоянной проверки на предмет конституционности его положений, но и снижает уровень защищенности личных, общественных и государственных интересов в ходе правоприменительной деятельности. Формулируемые законодателем неопределенные уголовно-правовые запреты, во-первых, порождают искусственную конкуренцию уголовно-правовых норм, усложняя процесс квалификации преступлений. Во-вторых, такие запреты создают предпосылки для необоснованного судебного усмотрения в ходе правоприменительной деятельности, размывающего содержание принципа законности как фундаментального начала уголовно-правового регулирования. С учетом особой значимости принципа правовой определенности для уголовного права остановимся на анализе отдельных неопределенных уголовно-правовых запретов института соучастия в преступлении, преодоление которых позволит избежать искусственной конкуренции норм при квалификации ряда преступлений террористической направленности.

Одним из следствий модернизации системы преступлений против общественной безопасности в ходе осуществляемого ныне интенсивного обновления уголовного закона явилось увеличение в УК РФ количества норм, образующих институт соучастия в престу-

плении. В настоящее время наряду с нормами Общей части (ст. 32–36, 67) его содержание образуют нормы Особенной части, признающие самостоятельными преступлениями содействие террористической деятельности (ст. 205.1), организацию террористического сообщества и участие в нем (ст. 205.4), организацию деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205.5), а также несообщение о преступлении (ст. 205.6). Введение в структуру гл. 24 УК РФ вышеуказанных норм обострило проблему квалификации преступлений террористической направленности, обусловленную рассогласованностью, а также искусственной конкуренцией между общими и специальными предписаниями института соучастия в преступлении.

С технико-юридических позиций усложненная конструкция характерна для ст. 205.1 УК РФ, выполняющей по замыслу законодателя функцию ст. 33 и 34 УК в части определения оснований и пределов ответственности подстрекателя, пособника и организатора за содействие в совершении преступлений, признаваемых террористической деятельностью. Содержание понятия «террористическая деятельность» путем указания на исчерпывающий перечень преступных деяний, ее образующих, для целей ст. 205.2 УК РФ раскрывается в примечании 2 к этой статье. В нем, в частности, под террористической деятельностью понимается совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 206, 208, 211, 220, 221, 277–279, 360 и 361 УК РФ. Согласно ст. 205.1 УК РФ содействие террористической деятельности признается самостоятельным уголовно наказуемым деянием, если оно выражено в форме: а) подстрекательства к совершению хотя бы одного из указанных преступлений (ч. 1); б) пособничества в виде вооружения или подготовки лица для совершения хотя бы одного из указанных преступлений, а также финансирования терроризма (ч. 1); в) пособничества в совершении хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, ч. 3 ст. 206 и ч. 1 ст. 208 УК (ч. 3); г) организации совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 205.3, ч. 3 и 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211 УК, или руководства его совершением, а равно организации финансирования терроризма (ч. 4).

Оценивая юридическую природу действий, образующих согласно ст. 205.1 УК РФ организацию и подстрекательство в совершении преступлений террористической направленности, нельзя не отметить, что по своему содержанию они соответствуют общим предписаниям института соучастия в преступлении (ч. 3 и 4 ст. 33 УК РФ). Пожалуй, единственный упрек законодатель заслуживает за то, что при описании объективной стороны состава подстрекательства в совершении преступлений террористической направленности им наряду с признаком «склонение»

в ч. 1 ст. 205.1 УК РФ выделен признак «вербовка». Поскольку понятия «склонение» и «вербовка» с точки зрения нормы ч. 4 ст. 33 УК РФ, а также правил формальной логики находятся в соотношении целого и части, упоминание о последнем из них в тексте ст. 205.1 УК РФ представляется излишним. Тем не менее подобного рода избыточность нормативного материала не усложняет квалификацию действий виновного как подстрекательства в совершении преступлений террористической направленности.

Значительно более затруднительной для квалификации преступлений, образующих террористическую деятельность, является содержащаяся в ст. 205.1 УК РФ законодательная модель пособничества. Сопоставляя ее с общим понятием пособничества, сформулированным в ч. 5 ст. 33 УК РФ, следует заключить, что законодатель, если следовать буквальному смыслу нормы, предусмотренной ч. 3 ст. 205.1 УК, расширил пределы уголовно наказуемых действий, образующих пособничество в террористической деятельности. Так, в соответствии с общей нормой (ч. 5 ст. 33 УК РФ) содержание пособничества наравне с физическим пособничеством образует и его интеллектуальная составляющая в виде заранее обещанных различных форм содействия преступлению (например, обещание скрыть преступника, данное пособником до момента совершения преступления). Напротив, характеризуя пособничество в качестве отдельного состава в ч. 3 ст. 205.1 УК РФ, законодатель понимает под ним как заранее обещанные, так и заранее не обещанные формы содействия террористической деятельности, объединив их в примечании 1.1 к этой статье единым термином «обещание». Несмотря на высказанное в литературе суждение о том, что в примечании 1.1 к ст. 205.1 УК РФ предложено определение пособничества, полностью копирующее текст ч. 5 ст. 33 УК [4, с. 353], о нетождественном характере понятий пособничества в указанных статьях свидетельствует их систематическое толкование. Фактически имеет место содержательная коллизия между нормой ч. 3 ст. 33, выполняющей в структуре института соучастия в преступлении роль общего предписания для всех норм Особенной части, и нормой ч. 3 ст. 205.1 УК РФ. Последняя, учитывая включенные законодателем в ее объем виды пособничества, представляет собой общую норму о пособничестве, фактически сведя положения ч. 5 ст. 33 УК РФ до уровня его (пособничества) специальной разновидности применительно к преступлениям террористической направленности. Нельзя игнорировать и тот факт, что в ч. 3 ст. 205.1 УК РФ понятием «содействие террористической деятельности» охватывается пособничество в совершении далеко не всех указанных в ч. 1 этой статьи преступлений. По прямому указанию ч. 3 ст. 205.1 УК РФ в ней уголовно наказуемым признает-

ся только пособничество в совершении преступлений, предусмотренных ст. 205, ч. 3 ст. 206 и ч. 1 ст. 208 УК. Кроме того, не совсем понятна логика законодателя, предусмотревшего в качестве отдельного состава пособничества в ч. 1 ст. 205.1 УК РФ такие его виды, как вооружение или подготовка лица в целях совершения хотя бы одного из преступлений террористического характера, а равно финансирование терроризма. Эти формы содействия террористической деятельности представляют собой физическое пособничество, однако в отличие от иных видов физического пособничества, образующих наряду с интеллектуальным пособничеством состав ч. 3 ст. 205.1 УК РФ, влекут менее строгое наказание. При такой труднообъяснимой рассогласованности норм института соучастия, закрепленных в Общей и Особенной частях УК РФ, достижение цели единообразной квалификации преступлений террористической направленности вряд ли возможно. В специальной литературе обращено внимание на трудности, возникающие при квалификации действий пособника, применившего различные физические способы содействия террористической деятельности, одновременно подпадающие и под ч. 1, и под ч. 3 ст. 205.1 УК РФ. Полагая, что в этом случае возникает конкуренция общей (ч. 3 ст. 205.1 УК РФ) и специальной (ч. 1 ст. 205.1 УК РФ) норм, Ю. А. Клименко в строгом соответствии с содержащимся в ч. 3 ст. 17 УК РФ правилом преодоления этого вида конкуренции рекомендует квалифицировать содеянное по специальной норме, т.е. по ч. 1 ст. 205.1 УК [5, с. 418]. Безусловно, предлагаемое решение не может быть оспорено с точки зрения законодательных велений, содержащихся в ст. 205.1 УК РФ. Однако при этом возникает вопрос о соответствии этого варианта квалификации требованию сформулированной в ч. 3 ст. 34 УК РФ общей нормы о том, что уголовная ответственность пособника, так же как и ответственность организатора или подстрекателя, наступает по статье, предусматривающей наказание за совершенное преступление, со ссылкой на ст. 33 УК РФ. Не составляет труда убедиться в том, что нормы ст. 205.1 УК РФ в части квалификации действий организатора, подстрекателя и пособника противоречат положениям ч. 3 ст. 34 УК РФ. Допущенная законодателем коллизия норм института соучастия, содержащего в своей структуре несогласованные, противоречащие друг другу нормативные предписания, снижает качество действующего уголовного закона и, кроме того, не способствует выработке судебной практикой единообразных правил квалификации преступлений террористической направленности. Примером неоднозначной интерпретации властных велений, содержащихся в нормах об ответственности за преступления террористической направленности, в частности, являются данные Пленумом Вер-

ховного Суда РФ рекомендации нижестоящим судам относительно квалификации преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 205.1 УК РФ. При их разработке высшая судебная инстанция страны была вынуждена опираться на противоречащие друг другу нормы ч. 3 ст. 34 и ст. 205.1 УК РФ. Так, в п. 17.2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам террористической направленности» обращено внимание судов на необходимость квалификации действий, выразившихся в организации совершения или руководства совершением хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 205.3, ч. 3 и 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211 УК, непосредственно по ч. 4 ст. 205.1, без ссылки на ч. 3 ст. 33 УК. Напротив, организацию или руководство совершением иного преступления террористической направленности, в том числе и более общественно опасного, чем указанное в ч. 4 ст. 205.1 УК (например, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля – ст. 277 УК), включая организацию осуществления других видов содействия террористической деятельности, высшая судебная инстанция рекомендует квалифицировать по соответствующей статье Особенной части УК РФ со ссылкой на ч. 3 ст. 33 УК, за исключением случаев, когда такие действия осуществлены участником организованной группы [6, с. 274].

Представляется, что при сохранении в неизменном виде нынешней редакции ст. 205.1 УК РФ возможным вариантом устранения столкновения между содержащимися в ней нормами и нормой ч. 3 ст. 34 УК стало бы дополнение последней положением о том, что ее предписания не распространяются на действия подстрекателя, организатора и пособника, образующие согласно Особенной части УК РФ самостоятельные преступления.

В связи с появлением в Особенной части УК РФ ст. 205.6, установившей ответственность за недонесение о готовящемся, совершающемся или совершенном преступлении террористической направленности, в науке уголовного права приобрела новое звучание дискуссия по вопросу о соотношении институтов соучастия в преступлении и прикосновенности к преступлению. На фоне закрепления в уголовном законе (ч. 5 ст. 33 и ч. 3 ст. 205.1 УК РФ) двух отличающихся друг от друга моделей пособничества основное внимание исследователей приковано к проблеме разграничения соучастия в террористической деятельности в форме пособничества (ч. 3 ст. 205.1 УК) и прикосновенности к ней в форме несообщения о преступлении (ст. 205.6 УК). При этом в качестве критерия разграничения институтов соучастия в преступлении террористической направленности и прикосновенности к ним учеными предлагается рассматривать упомянутый в ч. 3 ст. 205.1 УК РФ признак «обещанности».

В случае заранее обещанного несообщения о готовящемся, совершающемся или совершенном преступлении, образующем террористическую деятельность, действия виновного предлагается квалифицировать как пособничество по ч. 3 ст. 205.1 УК РФ. Напротив, отсутствие заранее данного обещания совершить вышеуказанные действия, по мнению специалистов, составляет прикосновенность к преступлению в форме несообщения о преступлении (ст. 205.6 УК) [5, с. 418; 7, с. 70–71]. Обоснованность предлагаемого учеными варианта уголовно-правовой оценки недонесения о террористической деятельности не вызывает возражений с позиции теории квалификации преступлений. Однако с точки зрения законодателя, если иметь в виду содержание установленного им в ч. 3 ст. 205.1 УК РФ и раскрытого в примечании 1.1 к этой статье признака «обещанности», не только заранее обещанная, но и заранее не обещанная деятельность по укрывательству образует соучастие в форме пособничества террористической деятельности. По своей сути эта формулировка пособничества размывает грань между институтами соучастия в преступлении и прикосновенности к преступлению. Восстановление этой грани, так же как и приведение понятия пособничества в нормах Особенной части УК РФ в соответствие с общими установлениями института соучастия в преступлении, видится путем корректировки текста примечания 1.1 к ст. 205.1 УК РФ. В новой его редакции целесообразно было бы указать, что интеллектуальное пособничество в этой статье образует «заранее данное обещание скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно заранее данное обещание приобрести или сбыть такие предметы».

Предлагаемые законопроектные новеллы ограничены рамками отдельных норм Общей и Особенной частей УК РФ, образующих институт соучастия в преступлении. Возможная корректировка предписаний, содержащихся соответственно в ч. 3 ст. 34 и в примечании 1.1 к ст. 205.1 УК РФ, способна снизить коллизионные дефекты этих уголовно-правовых норм, исключить искусственную конкуренцию между ними и тем самым облегчить правоприменителю квалификацию отдельных преступлений террористической направленности. Однако модернизация вышеупомянутых норм в направлении снижения уровня их неопределенности не решает главную, вытекающую из продекларированной Конституционным Судом РФ позиции проблему – обеспечение максимально возмож-

ной определенности уголовного закона в целом. Это требование, неоднократно предъявляемое высшим органом конституционного правосудия законодателю, как известно, пока еще не получило нормативного оформления в тексте ст. 3 УК РФ в качестве одного из фундаментальных компонентов принципа законности – основного, исходного начала уголовно-правового регулирования. В этой связи представляет интерес предложение А. В. Наумова о необходимости внесения в ст. 3 УК РФ четко сформулированной во многих решениях Конституционного Суда РФ конкретизации принципа законности в виде «определенности уголовно-правового запрета» [8, с. 94]. Поддерживая это предложение, отметим, что не только позитивное уголовное право в целом должно основываться на принципе правовой определенности, но и акты его толкования, являющиеся наряду с уголовным законом одним из системообразующих элементов уголовно-правового регулирования. В этом смысле требования Конституционного Суда РФ относительно необходимости обеспечения ясности и непротиворечивости уголовного-правового регулирования должны быть обращены наряду с законодателем также и к правоприменителю в лице Верховного Суда РФ, праворазъяснительная деятельность которого преследует цель формирования единой судебной практики в масштабах всей страны. Результаты толкования уголовно-правовых норм Верховным Судом РФ, облеченные в форму принимаемых его Пленумом постановлений по вопросам применения уголовного законодательства, не должны содержать в себе правоположений, допускающих неоднозначную интерпретацию уголовно-правовых запретов, расширяющих или сужающих круг установленных законом уголовно наказуемых деяний. Иными словами, требованиям принципа правовой определенности должен отвечать не только сам текст уголовного закона, но и акты его толкования. В связи с этим представляется целесообразной дополнительная к предложенной А. В. Наумовым конкретизация сформулированного в ст. 3 УК РФ принципа законности путем включения в его содержание требования о том, что «содержание уголовного закона следует понимать в точном соответствии с его текстом». Закрепление в уголовном законодательстве требования правовой определенности как содержательного элемента принципа законности может стать дополнительной гарантией конструирования и применения уголовно-правовых запретов, исключающих или сводящих к минимуму неопределенные предписания.

Пристатейный библиографический список

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2018 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2018. № 5.
2. О законодательном обеспечении уголовно-правовой политики в Российской Федерации : сборник материалов. М. : Изд. Совета Федерации, 2018.
3. Качество уголовного закона : проблемы Общей части : монография / отв. ред. А. И. Рарог. М. : Проспект, 2018.
4. Иванов Н. Г. Уголовное право. Особенная часть : учебник для академического бакалавриата. М. : Юрайт, 2014.
5. Клименко Ю. А. Квалификация соучастия и недоносительства в преступлениях террористической направленности (статьи 205.1, 205.4 и 205.6 УК РФ) // Уголовное право : стратегия развития в XXI веке : материалы XIV Международной научно-практической конференции (26–27 января 2017 г.). М. : Оригинал-макет, 2017.
6. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / сост. А. Г. Хлебушкин. 3-е изд. М. : Проспект, 2019.
7. Сичкаренко А. Ю. Несообщение о преступлении : уголовно-правовая характеристика // Уголовное право. 2016. № 6.
8. Наумов А. В. Конкретизация Конституционным судом принципа законности Уголовного кодекса РФ // Уголовное право. 2018. № 1.

References

1. Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of 25 April 2018 No. 17-P "In the Case of the Verification of the Constitutionality of Paragraph 2 of the Notes to Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation in Connection with the Request of the Ivanovo Regional Court" // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2018. No. 5.
2. On the Legislative Support of Criminal Law Policy in the Russian Federation: Collection of Materials. Moscow, 2018.
3. The Quality of the Criminal Law: Problems of the General Part: Monograph / Ed. by A. I. Rarog. Moscow, 2018.
4. Ivanov N. G. Criminal Law. Special Part: Textbook for Academic Undergraduate. Moscow, 2014.
5. Klimenko Yu. A. Qualification of Complicity and Fraud in Terrorist Crimes (Articles 205.1, 205.4 and 205.6 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Criminal Law: Development Strategy in the 21st Century: Proceedings of the XIV International Scientific and Practical Conference (26–27 January 2017). Moscow, 2017.
6. Collection of Decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on Criminal Cases / Comp. by A. G. Khlebushkin. 3rd ed. Moscow, 2019.
7. Sichkarenko A. Yu. Failure to Report a Crime: Criminal Law Characteristic // Criminal Law. 2016. No. 6.
8. Naumov A. V. Specification by the Constitutional Court of the Principle of Legality of the Criminal Code of the Russian Federation // Criminal Law. 2018. No. 1.